

МЕТАФИЗИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУЧНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ВЕРЫ

В.Н. Князев

Московский педагогический государственный университет

В статье рассматриваются эпистемологические смыслы научной и философской веры как форм духовности. В традициях отечественной культуры эти формы веры явно находятся в тени. Философская вера понимается автором как такая духовная способность личности, которая связана с признанием чего-либо истинным без опоры на факты и строгую логику; она основывается на субъективной интуитивной уверенности философа в справедливости выдвинутых им философских принципов. Научная вера реализуется в научной деятельности как вера в истинность научных гипотез, математическую красоту моделей, конвенциональную природу некоторых знаний. Сущностная характеристика философской веры связана с постулативным характером философских принципов. Мировоззренческие убеждения ученых, признание ими научных постулатов и аксиом выражают разные грани их научной веры. Философская вера более наглядно выражена в философии, чем научная в самой науке.

Ключевые слова: эпистемология, вера и знание, научная вера, философская вера, принципы, конвенции и вера.

Введение

Критический рационализм Карла Поппера породил все более общепризнанную традицию характеризовать эпистемологию как философское осмысление научного познания. В самом деле, понимание эпистемологии как раздела философского знания, исследующего научно-познавательную деятельность, включает в себя множество аспектов. Речь идет о природе знания как такового и его соотношения с реальностью, знания и его достоверности, знания и веры, истинности и правдоподобия и др. Одним из важных элементов является феномен веры. Следует сразу же сказать, что само

понятие веры есть предмет философского осмысления. Вера есть философско-психологическое понятие, имманентно фиксирующее соответствующее личностное качество. Человек не может жить без веры! Но вера бывает разная – обыденно-повседневная, религиозная, мистическая, эзотерическая, философская и научная. Предметом моего интереса в дальнейшем является взаимоотношение научной и философской веры.

Феномен философской веры

Что же такое вера? Этимологически слово «вера» происходит от лат. «*veritas* – истина», «*verus* – истинный». В отличие от логического обоснования истины вера есть духовная способность личности признать что-либо истинным без опоры на факты и строгую доказательность, но основываясь на субъективно-внутренней (часто интуитивной) уверенности в своей правоте. Феномен философской веры явно недостаточно осмыслен. Что же есть *философская вера*? Уже в самом факте принципиального отстаивания философами своей авторской позиции имманентно содержит в себе веру каждого автора в высказывании им философской истины. Философская вера дополняет философское знание, присутствуя в нем скорее имплицитно, чем явно. Вера и знание, как отмечает В.А. Лекторский, «предполагают друг друга и переплетаются друг с другом» [1. С. 15]. Философская вера, будучи личностной, как и сама авторская философская концепция, не является содержательно общезначимым явлением, а существует прежде всего лишь как личностное убеждение философа внутри его сознания, затем уже выраженное в его текстах. Она не есть чистое непосредственное переживание, а скорее существует на границе непосредственного и опосредованной рассудочности. Она, как и любая вера, скорее интуитивно реализуется «здесь и сейчас», проявляясь в словах философа, экзистенциально убежденного в правоте своей веры. Собственно философские убеждения реализуют личностный характер философской веры. Сами же убеждения основаны на принципах. Философские принципы в системе положений и рассуждений внутри философского знания функционируют в виде *философской веры*. Как убеждения конкретного философа они получают лишь свое логико-философское обоснование. Философская вера выступает как система философских принципов и категорий, с помощью которой осмысливается бытие Бога, человека, общества и природы. Философские категории при этом есть такая форма духовно-интеллектуальной деятельности, которая содержит в себе веру философа во всеобщность категорий-принципов, неизбежно содержащих личностную (субъективную) интерпретацию.

Посмотрим на эту проблему несколько более широко. Уже в самом факте существования в мировой философии плюрализма идей, принципов, подходов, концепций, доктрин, учений, теорий и последовательного отстаивания философами своей авторской правоты имплицитно содержит в себе веру автора в высказывании им философской истины. Но ее существование

может быть философом эксплицировано (открыто как явное). К. Ясперс подчеркивал: «Признаком философской веры, веры мыслящего человека служит всегда то, что она существует лишь в союзе со знанием» [2]. Д. Юм вообще трактовал природу человеческих знаний посредством фактора веры и привычки. При этом Юм четко разграничивал понятия «вера» (belief) и «религиозная вера» (faith). Юм писал: «Вера – способ представления идей» [3. С. 53]. Другой знаменитый философ, М. Бубер, характеризовал природу философии «как интеллектуально оформленную периферию веры». (В скобках замечу два момента: 1) к сожалению, в современной отечественной культуре явно превалирует взгляд, согласно которому термин «вера» означает «религиозную веру» и 2) в советские времена меня долго учили: «Там, где есть место знанию, там нет места вере». Такая дихотомия, а в конечном счете, взаимоисключение знания и веры скорее предопределялось тем, что в тех идейно-политических условиях принципиально альтернативно рассматривалось отношение науки и религии, религии и философии. Сегодня мы живем во многом в другом идейно-культурном пространстве).

Кратко обращусь к истокам новоевропейского мышления. Общеизвестно расценивать творчество Р. Декарта как основоположника новоевропейского рационализма, то есть как мыслителя со строгой логикой рассуждений. В самом деле, Декарту свойственна *вера* в «непогрешимость разума», который способен реализовывать ясность и отчетливость представлений в уме. В одном из самых значительных своих произведений – «Размышления о первой философии» – Декарт провозглашает идею, что сама *человеческая вера* в существование внешнего мира исходит от Бога [4. С. 423]. Все мы прекрасно понимаем, что декартовское «*cogitoergosum*» через снятие методического сомнения выводит на максимально очевидное достоверное утверждение факта существования собственного «Я». Но даже в этом присутствует неизбежный элемент веры. Говоря более определенно, Декарту характерна вера в человека, в его когнитивные возможности. Философская вера дополняет интуитивный компонент умственной деятельности, при этом и то и другое находятся вне логической и эмпирической достоверности знания.

Здесь следует высказать небольшую ремарку. Большая часть философов прошлого были либо религиозными философами, либо пантеистами, либо деистами. Это частично связано с тем, что философская вера и религиозная вера при всех их принципиальных отличиях имеют все же некое сходство в том, что и та и другая есть *вера в существование всеобщего*. В религии это всемогущий вечный Творец, а в философии – это всеобщность категорий, выражающих всеобщие свойства бытия (объективная реальность, причинность вообще, качество вообще и т.д.)

Вера, убеждения, принципы

Философская вера существует лишь как личностное убеждение философа внутри его сознания. Она, как и любая вера, проявляется в словах философа, убежденного в правоте своей веры. Более того, психологическое понятие «убеждение» есть форма выражения некой веры; убеждение есть некий синтез знания, веры и поступка. Убеждения реализуются в развернутом знании и конкретном поведении человека, а в этой связи знания часто интерпретируются как «оправданное убеждение». Философские убеждения реализуют личностный характер философской веры.

Для обоснования статуса принципов философы часто ссылаются либо на человеческую *веру* в них, либо на их значение как условно принимаемых за истинные среди других методологических средств познания, либо прагматическую эффективность. Показательными в этом отношении являются рассуждения Декарта как нерелигиозного философа, апеллирующего к мировоззренческому признанию бога на основе аксиологической установки отождествления истинного и божественного как генетически присущей нашим душам: «Прежде всего, я старался отыскать вообще принципы, или первопричины, всего того, что есть или может быть в мире, не принимая во внимание для этой цели ничего, кроме одного бога, который его создал, и выводя их только из некоторых зачатков истин, присущих от природы нашим душам» [5. С. 306]. Зачатки истин – это априорные положения в области чувств и аксиоматические утверждения в интеллектуальной сфере.

Сами же убеждения основаны на принципах. Поэтому следует проанализировать, как в философской вере реализуются принципы. Принципы не выводятся в теории, а, по существу, *вводятся* в нее как *аксиомы, постулаты* без особого логического доказательства.

Постулативный характер философских принципов, их невыводимость непосредственно из опыта с определенной точки зрения равносильны их недоказуемости. Например, К. Поппер считал, что принцип детерминизма является метафизическим принципом, который не может быть доказанным или опровергнутым: «...аргументы за и против него никогда не могут быть окончательными; те, которые выдвигаются в его защиту, должны быть незавершенными, потому что невозможно опровергнуть существование недетерминированного события в мире» [6. Р. 88]. Мы всегда можем столкнуться, по мнению Поппера, с недетерминированным событием, и ничто не может гарантировать и доказать нам, что все события детерминированы.

Говоря в более общем плане, философские принципы как метафизические нельзя доказать, а можно лишь как-то оправдать. Само оправдание философских принципов выражает философскую веру в них как условно принимаемых за истинные в той или иной философской системе мышления. Вопрос об обосновании философских принципов тесно связан с вопросом о природе философского знания вообще. Философские положения не могут быть установлены путем обобщения эмпирических данных и доказаны про-

стой ссылкой на практику (как это часто декларативно делалось в диалектическом материализме). Ведь практика доказывает непосредственно только эмпирические знания. Наиболее общие научные знания доказываются практикой лишь опосредованно, путем проверки в эксперименте следствий из него. Еще более опосредованной является связь с практикой самого философского знания. В обосновании философских положений основную роль играет логический вывод внутри самой данной системы философского знания. В итоге философские принципы в системе положений и рассуждений внутри философского знания функционируют в виде *философской веры*. Как убеждения конкретного философа они получают лишь свое логико-философское авторское обоснование. Прекрасным примером этого является трансцендентальная философия И. Канта, в основе которой лежат представления об априорных формах чувственности и рассудка [7. С. 61–269].

Постулативный характер априорных форм чувственности – пространства и времени – свидетельствует о философской вере Канта в их фундаментальную субъективную природу, которая объясняет возможность появления в человеческом знании математики. Фундаментальность априорных форм рассудка порождает в конечном счете многообразие естественнонаучного знания. Подчеркнем, что именно такой подход Канта основывается на субъективной интуитивной уверенности философа в справедливости выдвинутых им философских принципов.

Почему я так подробно остановился на осмыслении принципов? Дело в том, что философия, конструируя мир как особую метафизическую реальность, действительно содержит в себе философскую веру в возможную репрезентацию полионтической реальности. Философская вера здесь выступает как система философских принципов и категорий, с помощью которой осмысливается бытие человека, общества и природы. Более наглядным примером может служить философская вера в существование объективных законов природы или существование всеобщности движения, пространства, времени, взаимодействия, причинности, необходимости, качества, количества и других граней бытия, выраженных в соответствующих категориях. Поэтому сами философские категории есть такая форма духовно-интеллектуальной деятельности, которая содержит в себе веру философа во всеобщность категорий-принципов, неизбежно содержащих личностную (субъективную) интерпретацию. Убеждение в значимости традиционных философских категорий, содержащих неизбежный момент постулативности, выражает, с моей точки зрения, принципиальные компоненты философской веры.

Особенности научной веры

По моему убеждению, философия по большому счету не есть наука. Она была в прошлом праматерью ряда наук. Но в современном состоянии многообразия и дифференцированности духовно-интеллектуальных форм

культуры философия выступает личностно-мировоззренческой формой знания. При этом не выполняется один из важнейших критериев науки – выработка объективно-истинного знания (иначе как объяснить, что каждый уважающий себя философ создает свою собственную философскую концепцию!). Как говорилось выше, вера и знание не только не взаимоисключают, но и дополняют друг друга. В научном познании вера играет важную роль не только в процессе выдвижения новых гипотез и затем теорий, но и в ходе их принятия научным сообществом в процессе дальнейшего признания как научных парадигм. Вера как бы «встроена» в научно-познавательную деятельность. Современная психология исходит из того, что вера образует центральное звено личности человека, своеобразно конструируя и структурируя внутренний мир человека. Научный склад ума, формируя научную картину мира, опирается на научные принципы и постулаты, но при этом не может дать окончательного ответа на вопросы, принципиально значимые для понимания мироустройства. Научные принципы конструируются, чтобы глубже понять саму действительность и теория, построенная на основе этих принципов, получила согласование с опытом. Содержательный смысл принципов открывается интеллектом как инсайт. В работе «Физика и реальность» Эйнштейн подчеркивал: «Подлинной ценностью является в сущности только интуиция» [8. С. 337]. Эти слова полностью соответствуют высказыванию другого классика науки А. Пуанкаре: «Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретения» [9. С. 215].

Сами ученые признают, что нет формально-логического пути от эмпирии к принципам. Здесь большую роль играет интуиция, воображение. Это неоднократно в своих работах отмечал А. Эйнштейн: «Не существует логического пути, следуя которому мы могли бы от чувственного восприятия прийти к принципам, лежащим в основе теоретической схемы... Единственным способом их постижения является интуиция, которая помогает увидеть порядок, кроющийся за внешним проявлением различных процессов» [10. С. 154]. В другой статье он же писал: «Если не согрешить против логики, то вообще нельзя ни к чему прийти» [10. С. 569–570]. Принципы, по мнению Эйнштейна, конструируются «свободно», умозрительно. Разумеется, это свободное конструирование принципов не означает какого-то произвола, чистого вымысла, а лишь то, что, «воспаряя» к принципам, можно постигнуть более глубокие и существенные свойства действительности.

Я прекрасно осознаю, что трактовка веры в лоне науки гораздо менее традиционна, чем даже в философии. В этих формах интеллектуальной деятельности, бесспорно, превалирует сциентистский подход. Но и в научной деятельности есть место вере. Это тем более усугубляется тем, что научно-теоретическое познание носит во многом интеллектуально-символический характер. Э. Кассирер еще почти сто лет назад писал: «Основопологающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит вопросы и формулирует выводы, предстают уже не пассивными отражениями данного бытия, а

в виде созданных самим человеком интеллектуальных символов. Раньше всех и наиболее остро осознало символический характер своих фундаментальных средств физико-математическое познание» [11. С. 12]. История науки явно свидетельствует о том, что гениальные открытия Н. Коперника, Г. Галилея, И. Ньютона, М. Фарадея, Г. Менделя и др. завоевывали признание научного сообщества не сразу, однако их авторы, веря в справедливость своих идей, настойчиво отстаивали их. «Вера в науку имеет, вообще говоря, локальный характер. Например, взаимоисключающими являются аксиомы Евклида и Н.И. Лобачевского. Поэтому каждая из этих двух групп аксиом применима лишь к определенному объекту познания, а именно к двум различным и параллельно существующим геометриям. Появление геометрии Лобачевского не было понято и принято современниками, и обязано исключительно вере ученого в свою правоту. Известно множество других подобных случаев благотворного влияния веры на научно-технический прогресс» [12. С. 105].

Говоря о роли и статусе научных принципов и законов, их принятии и обоснованности, возникает вопрос о роли научной веры. Научная вера имплицитно присутствует в научной деятельности и в вере ученого-экспериментатора в эффективность той или иной научной гипотезы при постановке и проведении соответствующего нового эксперимента и последующего подтверждения или неподтверждения исходно предполагаемого результата, и в вере ученого-теоретика в адекватность истине, разрабатываемой им формализованно-математической модели соответствующего фрагмента реальности. В господствующих ныне в науке парадигмах по принципиальным мировоззренческим вопросам (например, как «возникла Вселенная», откуда появилась жизнь на Земле, проблема происхождения человека) научный рационализм неизбежно включает в себя научную веру в справедливость (правильность) научно-гипотетического подхода. Возьмем в качестве примера идею Большого взрыва. Те ученые, которые признают «рождение Вселенной» благодаря «Большому взрыву» с последующим расширением Вселенной, не знают достоверно, в чем причины этого «взрыва». Существуют разные концептуальные модели этого процесса, в которые их авторы в большей или меньшей степени верят, как в продуктивные для последующих исследований. При этом сам термин «Большой взрыв» – более метафора, чем точный теоретический конструкт. Современная космология ещё не в состоянии дать достаточно достоверный ответ на вопрос о том, что же было до начала расширения Вселенной. Можно с известной определенностью сказать лишь, что началу расширения предшествовало некое *сингулярное состояние*. Неопределенность и порождает элемент веры.

Это прекрасно в работе «Эволюция физики» констатировал А. Эйнштейн: «Без *веры* (курсив здесь и ниже наш. – В.К.) в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без *веры* во внутреннюю гармонию нашего мира, не могло бы быть никакой науки. Эта *вера* есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества. Во

всех наших усилиях, во всякой драматической борьбе между старым и новым мы узнаем вечное стремление к познанию, непоколебимую веру в гармонию нашего мира, постоянно усиливающуюся по мере роста препятствий к познанию» [10. С. 543].

В свою очередь выдающийся Стивен Хокинг еще недавно откровенно писал: «Ученые *верят* (курсив наш. – В.К.), что Вселенной управляют четкие законы, в принципе позволяющие предсказывать будущее. Но движение, данное законами, часто хаотично. Из этого следует, что малейшее изменение начальной ситуации может привести к изменению в последующем поведении, и эти изменения быстро разрастаются. Поэтому на практике зачастую можно точно предсказать будущее только на короткое время. Однако поведение Вселенной в очень большом масштабе представляется простым и нехаотичным. Поэтому можно предсказать, будет ли она расширяться вечно или в конце концов начнет сжиматься. Это зависит от сегодняшней плотности Вселенной. На самом деле ее нынешняя плотность кажется очень близкой к критической, которая разделяет сжатие и вечное расширение. Если теория инфляции верна, Вселенная действительно находится на лезвии бритвы. Так что я, продолжая добрую традицию оракулов и пророков страховаться, предсказываю оба варианта» [13. С. 168].

Роль конвенции в науке

Использование в науке научных конвенций, по сути, реализует имплицитно научную веру. Ни один ученый как личность не может знать сразу все детальные концептуальные разработки других коллег даже в определенной области и тем более в смежных исследованиях. Некоторый ученый признает для себя как конвенции результаты творческой деятельности других, принимая их, по сути, на веру.

Говоря о конвенциональности научных теорий, необходимо вспомнить взгляды выдающегося ученого XIX века Анри Пуанкаре, который исследовал природу и роль конвенций в науке. Признавая коммуникативную природу познавательной деятельности, можно выявить конструктивные смыслы размышлений французского ученого о научном познании, природе гипотез, принципов и законов. Скажем, его идеи о «свободном соглашении» или даже о «замаскированных соглашениях», лежащих в основе науки, выражают принципиальный взгляд ученого на познавательную деятельность и природу знания. Он считал, что условные (гипотетические) положения представляют собой продукт свободной деятельности нашего ума. При этом гипотезы не произвольны и наш опыт не просто предоставляет нам спонтанный выбор, но направляет нас на наиболее «удобный» путь познания. В советское время конвенционализм Пуанкаре подвергался явной критике, но сегодня с учетом общеметодологического принципа простоты во многих случаях простое и выполняет функцию удобства (здесь есть некоторая аналогия с принципом «бритвы Оккама»).

В современной фундаментальной теоретической физике элемент конвенциональности можно усмотреть в конкурентных взаимоотношениях трех миропониманий, в основе которых лежат соответствующие дуалистические парадигмы, последовательно исследуемые Ю.С. Владимировым [14; 15]. В самом деле в современной физике разворачиваются теоретико-полевое, геометрическое и реляционное миропонимания. Выявляя их взаимодополнительность, Ю.С. Владимиров пишет: «Наличие трех дуалистических парадигм можно трактовать как своеобразное проявление принципа дополнителности трех метафизических парадигм, который в какой-то степени родственен принципу дополнителности Нильса Бора, сформулированному в квантовой механике... Однако при рассмотрении трех дуалистических метафизических парадигм принцип дополнителности Бора обобщается на дополнителность не двух сторон (составляющих) при сохранении неизменной третьей, а сразу на дополнителность всех трех точек зрения» [14. С. 218]. Сам автор приводит аргументы и проводит исследования в рамках реляционного подхода, считая принципиально приоритетным именно это миропонимание. Поскольку этот подход сегодня активно разрабатывается, то его сторонники несут в себе веру в его научно-познавательную перспективу. В разных теоретико-физических подходах возникают разные модели интерпретаций таких проблем, например, как принцип Маха, близкодействие и далекодействие, электромагнитная или гравитационная природа пространства-времени и т.п. Именно в мировоззренческих интерпретациях подобных проблем (то есть в соотносении теоретической модели с реальностью) конкретные ученые реализуют взгляд, содержащий момент научной веры.

Следует признать, что само наличие научной веры в перспективность поиска истинного знания стимулирует исследователя к интеллектуальной активности (иногда даже одержимости), без чего невозможно подлинное научное творчество. Эйнштейн довольно ясно сознавал, что само креативное мышление не свойственно гению как «чудо», когда писал: «Ньютон был первым, кому удалось найти ясно сформулированный базис, исходя из которого он мог выводить широкое поле явлений посредством математического мышления, логики и гармонии с опытом... Как такое чудо родилось в его мозгу? Если мы сможем сознательно и разумно ответить на это «как?», вопрос о «чуде» отпадает вообще. Цель любого интеллектуального действия состоит в обращении чуда в нечто, что можно осознать, постигнуть. Если в этом случае чудо само позволяет такому обращению свершиться, наше восхищение разумом Ньютона только возрастает» (цит по: [16. С. 11]).

Подводя итог, следует сказать, что такие когнитивные феномены, как научная и философская вера, весьма значимы для научно-познавательной деятельности. Сущностная характеристика философской веры связана с постулативным характером философских принципов. Научная вера реализуется в научной деятельности как вера в истинность научных гипотез, математическую красоту моделей, конвенциональную природу определенных научных знаний. Мировоззренческие убеждения ученых, признание ими

научных постулатов и аксиом выражают разные грани их научной веры. В философии вера более наглядно выражена, чем научная вера в самой науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В.А. Вера и знание в современную культуру // ВФ. – 2007. – № 2. – С. 14–19.
2. Ясперс К. Философская вера / К. Ясперс. URL: http://www.krotov.info/libr_min/28_ua/sp/pers_1.htm (дата обращения: 05.02.2015).
3. Юм Д. Исследование о человеческом познании // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1966.
4. Декарт Р. Размышления о первой философии // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1994.
5. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: ГИПЛ, 1950.
6. Popper K.R. The open universe. An argument for indeterminism. Totowa, 1982.
7. Кант И. Соч.: в 8 т. – Т. 3. – М.: Изд-во ЧОРО, 1994.
8. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М.: Наука, 1965.
9. Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983.
10. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1965.
11. Кассирер Э. Философия символических форм. Язык. – Т. 1. – М.: СПб., 2002.
12. Спирин И.В. Единство веры и науки в развитии знаний // Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения): мат-лы Междунар. науч. конф. 20–21 ноября 2009 г. / отв. ред. Н.В. Медведев, Н.М. Аверин. – Тамбов: Издат. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010.
13. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. – СПб.: Амфора, 2001.
14. Владимиров Ю.С. Метафизика и фундаментальная физика. – Кн. 2: Три дуалистические парадигмы XX века. – М.: ЛЕНАНД, 2017.
15. Владимиров Ю.С. Метафизика и фундаментальная физика. – Кн. 3: Реляционные основания искомой парадигмы. – М.: ЛЕНАНД, 2018.
16. Дилтс Р. Стратегия гениев: в 3 т. – Т. 2. – М., 1998.

EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF RELATIONSHIPS OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL BELIEF

V.N. Knyazev

Moscow State Pedagogical University

Philosophical belief is understood by the author as such a spiritual ability of the individual, which is associated with the recognition of something true without reliance on facts and strict logic; it is based on the philosopher's subjective, intuitive confidence in the validity of the philosophical principles advanced by him. Scientific belief is realized in scientific activity as a belief in the truth of scientific hypotheses, the mathematical beauty of models, the conventional nature of some knowledge. The essential characteristic of the philosophical belief is associated with the hypothetical character of philosophical principles. The ideological convictions of scientists, their recognition of scientific postulates and axioms express different facets of their scientific belief. Philosophical belief is more clearly expressed in philosophy than scientific in science itself.

Keywords: epistemology, belief and knowledge, scientific belief, philosophical belief, principles, conventions and belief.